

Ломброзо Чезаре

**Новейшие успехи науки о
преступнике**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ч-35

Ч-35 **Чезаре Л.**
Новейшие успехи науки о преступнике / Ломброзо Чезаре – М.: Книга по Требованию,
2023. – 170 с.

ISBN 978-5-519-93818-1

ISBN 978-5-519-93818-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мы перевели слова „уголовная антропология“ словами „наука о преступномъ человѣкѣ“; намъ могутъ возразить, что наука это систематизированное знаніе, вытекающее изъ непреложныхъ началъ и что уголовная антропология не можетъ быть поэтому названа наукой: непреложныхъ началъ она еще не открыла, а системы не выработала. Несомнѣнно однако, что уголовная антропология имѣетъ свои непреложныя начала и что онѣ будутъ открыты.

Великая, безсмертная заслуга Ломброзо въ области знанія вообще заключается въ указаніи на эту возможность. Для насъ же юристовъ заслуга Ломброзо заключается въ томъ, что онъ указалъ новые пути къ изученію уголовного права, пути, которыми идетъ всякая истинно научная работа: пути наблюденій и быть можетъ даже опытовъ; не менѣе важно † для насъ юристовъ и то, что Ломброзо даетъ

попутно то, что является необходимымъ послѣдствіемъ его изслѣдованій, тѣ размышленія, на которыя онъ наводитъ, тѣ выводы, въ сферѣ чисто юридической, къ которымъ приводятъ его работы.

Въ уголовномъ правѣ есть вѣковой вопросъ, безъ отвѣта на который не мыслима никакая система уголовного права—это вопросъ о наказаніи, о законности его, о его правомѣрности.

По какому праву наказываемъ мы, т. е. причиняемъ зло нашему ближнему, совершаемъ такой поступокъ, который во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не окрещенъ именемъ наказанія, составляетъ преступленіе, вызывающее наше неодобреніе? Какимъ образомъ мы, карающіе смертию, каторгой и заточеніемъ причиненіе смерти, сами причиняемъ ее?

Мы, юристы, знаемъ, что на этотъ вопросъ отвѣчали часто и много и всегда неудачно, а наказаніе тѣмъ не менѣе примѣнялось, какъ законъ природы, который царить, не справляясь съ тѣмъ, объяснило себѣ его человѣчество или нѣтъ. Но человѣчество уже такъ создано, что оно не можетъ успокоиться на одномъ созерцаніи явленій, оно должно

ихъ объяснить себѣ и несомнѣнно, что уголовная антропология даетъ матеріаль къ такому объясненію. Уже статистика установила, что преступленія или наказуемыя правонарушенія не случайныя явленія въ жизни отдѣльнаго человѣка, а явленія общественнаго порядка, явленія подчиненныя общимъ законамъ общественной жизни, состоящія въ зависимости отъ всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые вліяютъ на общественную жизнь даннаго народа.

Ломброзо сдѣлалъ шагъ впередъ, онъ установилъ самое содержаніе этого явленія; послѣднее выражается въ томъ, что общественная жизнь народа, условія въ которыхъ онъ живетъ, борется, торжествуетъ и погибаетъ, даютъ извѣстный ^о/_о *анатомически изуродованныхъ* людей, которые вслѣдствіе своего анатомическаго уродства думаютъ, чувствуютъ, ощущаютъ, радуются и унываютъ иначе чѣмъ нормальный типъ современнаго человѣка. Доказательства, которыя Ломброзо и его школа приводятъ въ пользу того, что преступникъ представляетъ особую антропологическую разновидность „преступника“, котораго можно распознать путемъ медицинскаго осмотра, не-

зависимо отъ того совершилъ онъ преступленіе или нѣтъ—доказательства эти не всегда удачны, не всегда убѣдительны, но тѣмъ не менѣе провозглашенная Ломброзо истина не преложна—человѣкъ это часть природы и подчиненъ всѣмъ ея законамъ.

Собранъ необъятный, неопровержимый матеріалъ, доказывающій, что и преступленіе и преступникъ продукты тѣхъ условій, въ которыхъ рождается, живетъ и погибаетъ современный человѣкъ; отсюда прямой и неизбѣжный выводъ, что аномалія души, называемая преступленіемъ, должна воплощаться въ аномаліи тѣла—въ типѣ преступника. Можно спорить о признакахъ этого типа, но не о самомъ существованіи его. Не можетъ быть поэтому рѣчи о томъ, что преступникъ это просто злой выродокъ, имѣющій выборъ между добромъ и зломъ и выбирающій зло, рождающійся такимъ же невиннымъ и чистымъ, какъ и всякій другой и черпающій свою злобу изъ себя. Мы не можемъ ему сказать: „неповинны мы въ грѣхъ твоимъ, не причастны ему, ты не отъ плоти и крови нашей, не отъ духа нашего. уйди. оставь насъ, претерпи муки, которыя заслужилъ, мы же ихъ не заслужили.“

Путемъ долгаго неустаннаго труда, умъ человѣческій открылъ, что все зло, какое въ человѣкѣ имѣется, берется имъ извнѣ, что оно приносится имъ готовое въ минуту рожденія, что оно растетъ, зрѣетъ и разрушаетъ все хорошее въ человѣкѣ подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя созданы нами, словомъ, что не злой человѣкъ виноватъ передъ нами, а мы виноваты передъ нимъ. Заслуга Ломброзо тѣмъ велика, что онъ намъ показалъ степень нашей вины передъ преступникомъ, онъ намъ показалъ, что мы не только оставили преступника холоднымъ, голоднымъ, темнымъ и сирымъ, но что мы исказили его образъ человѣческій, съузили его черепъ, распатали его нервы, изсушили его мускулы, измозжили его кости, покрыли морщинами лицо его, испортили его зрѣніе, погубили слухъ, обоняніе и осязаніе его, убили его воображеніе. словомъ отодвинули его тѣлесно отъ человѣческой породы, озвѣрили его и не можемъ ждать отъ него человѣческихъ чувствъ, мыслей и поступковъ.

Классическіе народы древности могли бы выйти изъ этого положенія очень просто: не вдаваясь въ разъясненіе причинъ, вызвавшихъ такое озвѣреніе человѣка, они просто примѣ-

нили бы къ преступнику нечеловѣческіе законы.

Но мы, люди болѣе тонкой, интеллектуальной ткани, не можемъ помириться съ такой расправой. Мы требуемъ наказанія только виноватаго и, если наука привела насъ къ сомнѣнію въ виновности людей, совершающихъ преступленія, то какъ, по какому праву станемъ мы ихъ *наказывать*. Пробовали на это отвѣтить тѣмъ, что наказаніе слѣдуетъ замѣнить исправленіемъ, но та же антропологія доказываетъ, что есть аномаліи неизлѣчимыя— по теоріи исправленія поступки ихъ пришлось бы оставлять вовсе безъ репрессіи, да и вообще пока медицина находится въ томъ безпомощномъ состояніи, въ которомъ она пребываетъ теперь, объ исправленіи или вѣрнѣе объ излѣченіи преступника рѣчи быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что условія общественной гігіены совершенно безнадежны; преступникъ, даже излѣченный, попадетъ опять таки въ тѣ же условія и конечно вновь заболѣетъ той же болѣзнію. И такъ трудами уголовной антропологіи установлено, что преступникъ не подлежитъ наказанію ради его самого, что наказаніе преступника также бесполезно и безче-

ловѣчно для него, какъ наказаніе сумасшедшаго, юродиваго, эпилептика. Но если наказаніе безусловно бесполезно для преступника, то слѣдуетъ ли изъ этого, что оно вообще излишне?

Что наказаніе нужно, что оно при современномъ общественномъ устройствѣ необходимо, въ этомъ легко убѣдиться, если представить себѣ наше общество на другой день послѣ объявленія закона объ отмѣнѣ наказанія за преступленія.

Такой законъ имѣлъ бы прямымъ послѣдствіемъ воцареніе дикаго самосуда, т. к. никто изъ насъ не согласился бы, чтобы человѣкъ, причинившій ему зло, не претерпѣлъ также зла—не понесъ, какъ мы привыкли выражаться, „заслуженнаго наказанія.“ выраженіе это, какъ доказываетъ антропология, крайне наивное, т. к. преступникъ „заслуживаетъ“ наказанія столько же, сколько человѣкъ, который корчится въ припадкѣ падучей болѣзни. Но съ чувствомъ, которое выражено этими словами, приходится считаться: въ современномъ нормальномъ человѣкѣ слишкомъ силенъ еще звѣрь, чтобы можно было мечтать объ отмѣнѣ наказанія и въ этой необходимости, т. н., наказанія—

его законность—безъ него не мыслимъ государственный строй, несовмѣстимый съ самосудомъ потому, что самосудъ всегда жестокъ, запальчивъ, безмѣренъ, неразборчивъ, несправедливъ, самосудъ и анархія нераздѣльны и, если для сохраненія государственнаго строя, для устраненія самосуда, государство должно взять на себя причиненіе преступнику того зла, причиненіе котораго требуетъ тотъ, кто претерпѣлъ зло, то, не смотря на всю нравственную безсодержательность такого дѣйствія, государству приходится брать его на себя, какъ иногда приходится допустить маленькую ложь, чтобы не оскорбить человѣка. не унижить его, не причинить большаго зла.

И такъ наказаніе это причиненіе зла преступнику, которое необходимо при современномъ состояніи культуры, при современной цивилизаціи. Цѣль наказанія—удовлетвореніе злобному желанію причинить зло преступнику, которое свойственно современному нормальному человѣку. Въ виду такой цѣли, наказаніе должно быть непременно зломъ, т. е. должно причинять страданія преступнику, иначе оно не достигнетъ своего назначенія.

Наказаніе правомѣрно потому, что госу-

дарство обязано его примѣнять — государство вообще имѣетъ только тѣ, но за то и всѣ тѣ права, какія ему необходимы для выполненія своихъ обязанностей—оно обязано дѣлать все, что необходимо для осуществленія его задачъ и можетъ для этого дѣлать все, что въ его власти, въ этомъ случаѣ понятія права и власти сливаются. Въ данномъ случаѣ государство натуральную повинность—личную мечь, замѣняетъ денежнымъ налогомъ—податью по отправленію правосудія и само уже удовлетворяетъ общественную потребность причинять зло злымъ и удовлетворяетъ ее конечно какъ крупный предприниматель лучше, чѣмъ отдѣльные мелкіе хозяева—экономѣе, правильнѣе, плодотворнѣе; совершенно также какъ оно дорожную повинность замѣняетъ денежнымъ сборомъ и вмѣсто дрянныхъ проселочныхъ тропинокъ, устраиваетъ широкія шоссе, желѣзныя дороги и т. п. Бываютъ моменты, когда потребность въ причиненіи зла вырастаетъ: во время революцій и т. п., тогда государство выпускаетъ исключительно строгіе законы, но вообще оно регулируетъ эту потребность общества, при чемъ иногда кодексъ запаздываетъ и даетъ больше зла, чѣмъ требуетъ обще-

ство (такъ было со старымъ Обще-Германскимъ правомъ), иногда напротивъ оно даетъ его недостаточно.

Все сказанное вытекаетъ изъ изслѣдованій по уголовной антропологии и въ этомъ ея косвенная заслуга, имѣющая огромное значеніе для юриспруденціи. Но не менѣе существенны и ея непосредственныя заслуги. Чѣмъ больше будутъ распространяться здравыя понятія о взаимныхъ отношеніяхъ и счетахъ нормальнаго и преступнаго человѣка, чѣмъ чаще нормальному человѣку придется краснѣть и опускать глаза передъ преступнымъ его собратомъ, чѣмъ гуще будетъ разливаться по его лицу краска стыда при желаніи его платить зломъ за зло, тѣмъ легче будутъ прививаться понятія объ условномъ наказаніи, одной изъ вѣличайшихъ мыслей 19-го вѣка, тѣмъ быстрее пойдетъ то смягченіе нравовъ, которое заставить отворачиваться отъ причиненія какого бы то ни было зла преступнику съ тѣмъ же отвращеніемъ, съ которымъ мы теперь говоримъ о колесованіи, четвертованіи, битьѣ кнутомъ и тому подобныхъ проявленіяхъ звѣрства въ человѣкѣ, которыя еще такъ недавно казались человѣчеству и желательными, и полез-